

Сугай Л. А.

Гоголь и Тургенев в литературно- критических воззрениях СИМВОЛИСТОВ

В апреле 1907 года Андрей Белый публикует рецензию на сборник стихов Блока «Нечаянная радость», в которой затрагивает вопрос о связи символизма с русской классикой и, в частности, пишет:

Критика часто выводит русский символизм из французского. Это ошибочно. Русский символизм и глубже, и почвеннее. Виднейшие его представители кровно связаны с отечественной литературой и поэзией¹.

Белому вторит Эллис в статье 1909 года «О современном символизме, о "чёрте" и "действе"»:

Русский символизм (как оказывается, для многих весьма неожиданно) не только не отменил, не победил какую-то старую школу во имя бесконечно нового или «нового, слишком нового», а, наоборот, явился органическим, глубоко последовательным и неизбежным исторически и психологически дальнейшим развитием, утончением и усложнением всех самых заветных, самых глубоких и прочных течений и устремлений русского словесного творчества².

Символисты объявляли себя истинными продолжателями наследия Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева... Правда, всегда активно вступали в борьбу с представителями других школ и направлений за «своего» Пушкина, «своего» Гоголя, «своего» Достоевского, «своего» Тургенева.

Проблемы соотношения наследия русских классиков с творчеством символистов не раз поднимались в отечественном и мировом литературоведении. Специальные исследования посвящены восприятию, критической интерпретации и художественным отражениям гоголевского наследия символистами

¹ Перевал. 1907. № 4. С. 59.

² Эллис (Кобылинский Л. Л.). Незданное и несобранное. Томск, 2000. С. 98.

[Yurieff, 1955; Паперный, 1996; Алексанян, 2001; Сугай, 2012]. Особое внимание исследователи уделяют темам «Гоголь и Блок» [Крук, 1961; Минц, 1972; Медведева, 1988; Золотусский, 1989; Долганский, 1994; Зябликов, 2002] и «Гоголь и Андрей Белый» [Паперный, 1983; Новик, 2005; Авраменко, 2006; Полещук, 2006; Несынова, 2009; Петросян, 2011; Делекторская, 2012]¹.

Не меньшее внимание специалисты уделяли и уделяют вопросу о символистской рецепции наследия Тургенева. Начало изучению темы положила статья С. И. Родзевича «Романтик реализма: Тургенев и символизм» (1918). По мысли автора, «искание большим художником новых поэтических тем, новых литературных форм» предвосхитило явление символизма [Родзевич, 1918: 137]. Правда Родзевич сопоставлял творчество Тургенева больше с его современниками – западными предтечами и представителями символизма. Что же касается воззрений на Тургенева русских символистов, то в последовавших отечественных и зарубежных работах предметом анализа становились чуть ли не все представители направления: И. Ф. Анненский [Ашимбаева, 1984], В. Я. Брюсов [Зельдхейи-Деак, 1994; Гречишкин, Лавров, 1977], Александр Добролюбов [Петрова, 2007], Д. С. Мережковский [Пильд, 1998; Лебеденко, 2005]; Ф. Сологуб [Клейман, 1983: 11–17]; А. А. Блок [Пустыгина, 1998] и другие. А. В. Лавров [1995: 275–279] указал на «тургеневский» пласт в романе А. Белого «Серебряный голубь». Целостный анализ вопроса о Тургеневе и символистах представлен в работе венгерской исследовательницы Ж. Зельдхейи-Деак [1992], в статьях, диссертации и монографии Леи Пильд [Пильд, 1999].

В большинстве литературно-критических работ внимание авторов акцентировалось на рецепции символистами цикла «таинственных повестей» Тургенева, а также его «Стихотворений в прозе». Сами «"люди символизма" и его окрестностей»² видели именно в *позднем*, «странном»³, «умирающим»⁴ Тургеневе своего предтечу. В программной работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) Мережковский писал о Тургеневе:

Художник не подозревает, что в двадцати строках «Стихотворений в прозе» – он делает целые поэтические открытия, что эти «безделушки» едва ли не драгоценнее и не бессмертнее таких серьёзных общественных типов, как Рудин, Лаврецкий, Инсаров⁵.

Мережковскому вторил В. В. Розанов:

Было бы анахронизмом в настоящее время разбирать характеры, выведенные, напр., Тургеневым, хотя со времени их создания прошло немного лет: они ответили на интересы своей минуты, были поняты в своё время, и теперь за ними

¹ Подробнее см: [Сугай, 2012: 6–25].

² Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 545.

³ «"Странному" (или, метафорически выражаясь, "тёмному" и даже "ночному") Тургеневу» [Топоров, 1998: 5], посвящён целый ряд работ.

⁴ Как предполагает Л. Пильд, «заглавие статьи И. Анненского о Тургеневе – "Умиравший Тургенев" – написанной в 1905 году и вошедшей в первую "Книгу отражений" (1906), не только моделирует фабулу и содержание критического эссе, но является и метафорой, характеризующей рецепцию Тургенева в современной литературной критике» [Пильд, 1999: 36].

⁵ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893. С. 44.

осталась привлекательность исключительно художественная. Мы их любим, как живые образы, но нам уже нечего в них разгадывать¹.

Тургенев, предвосхитивший в своих поздних произведениях идейно-художественные искания декаданса и символизма, – этот ракурс рассмотрения преобладает в работах современных исследователей. По мнению О. Б. Першукевич [1999], наличие стихотворений в прозе в творчестве Ин. Анненского, А. Белого, В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. М. Добролюбова и других свидетельствует о значимости тургеневской традиции жанра для представителей этого модернистского течения.

Иной подход к теме представлен в статье американской исследовательницы М. Астман. По её мнению, считать Тургенева «предтечей русского символизма» можно только «до известной степени» [Астман, 1983: 166, 170]. С символистами писателя связывают широта мировоззрения, эстетические взгляды, соотносимые с идеями Гегеля и Шопенгауэра, «поиски Абсолютной ценности за всякими мелкими, пошлыми, нелепыми явлениями жизни» [Астман, 1983: 174], но символику поздних тургеневских романтических произведений нельзя соотносить с теоретическими воззрениями символистов.

Попытка выйти за рамки темы «символисты и поздний Тургенев» недавно была предпринята в статьях Н. В. Мокиной, посвящённых влиянию на символистов Тургенева-романиста. Художественный опыт автора романа «Дым» позволяет, по мнению Мокиной, «увидеть генезис некоторых знаковых для поэтики символистского романа элементов» [2016: 407].

Приведённый обзор существующих исследований (далеко не полный) позволяет судить об активной, многоаспектной и широкой разработке заявленной мною темы. Однако есть вопрос, который не затрагивался в литературоведческих работах, а именно: «Гоголь и Тургенев в рецепции символистов».

Тургенев как продолжатель Гоголя-реалиста, один «из самых малых учеников его» (как сам называл себя Тургенев²) не привлекал интереса символистской критики. Но и Тургенев «таинственных повестей» не породил ассоциаций и параллелей с Гоголем-мистиком, Гоголем «Страшной мести» или повестей петербургского цикла. Писатели как предтечи символизма существуют для «старших» и «младших» символистов как бы в параллельных непересекающихся мирах. Их имена сходятся под их пером только при перечислении русских писателей, причём в работах историко-литературного характера. Яркий пример – литературно-педагогические труды И. Ф. Анненского. В статье «Художественный идеализм Гоголя» (1902) он пишет:

Говорить о значении Гоголя значит говорить о Достоевском, Гончарове, Тургеневе, Писемском, Островском, Салтыкове, говорить о Гаршине, Чехове, Горьком и знать, что живые русские поэты прядут нити, которые свяжут с гоголевским творчеством и будущую русскую литературу <...>³.

В черновых планах, материалах и набросках Анненского-педагога находим схожие тезисы:

¹ Розанов В. В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 28.

² Тургенев И. С. Письмо Погодину М. П., 4 (16) декабря 1851 г. // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1986. Т. 2. С. 111.

³ Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 217.

Н. В. Гоголь. Связь его с новейшей русской литературой и определяющее значение для развития русской повести и русской сцены. Тургенев был ему известен. Достоевский и Островский начинали писать при его жизни, и он ещё их оценивал. Связь произведений Тургенева, Достоевского и Островского с Гоголем¹.

Но обратимся к итоговой работе Анненского о Гоголе – «Эстетика "Мертвых душ" и её наследие» (1909):

Люди пошли не к Гоголю, они пошли от *Гоголя*, они разошлись от него, как далёкое сияние. Но, уходя каждый в свою сторону, из самой святости его творения, из благодати его страдальчества, эти люди выносили две заветных, гоголевских мысли. Первая – я буду сам собою. Вторая – я буду любить одну загадку, только одну, ту, с которой я родился, загадку моей родины².

В статье Анненского не было сближения с позицией В. В. Розанова, перманентно отрицавшего общеизвестный «взгляд, по которому вся наша новейшая литература исходит из Гоголя, – и утверждавшего обратное: – было бы правильнее сказать, что она вся в своём целом явилась отрицанием Гоголя, борьбой против него»³. Для Анненского важны те гоголевские частицы, наследуемые каждым из преемников творца «Мертвых душ». Скрупулёзно он рассматривает и сопоставляет гоголевское наследие с творчеством Достоевского, Гончарова, Островского, Писемского. И вдруг «спотыкается» на Тургеневе:

Я не буду касаться недавно уже потревоженной тени Тургенева. Это был пушкинец, пожалуй, самый чистокровный⁴.

Отказавшись от сравнительного анализа, он последовательно переходит к характеристике других «наследников» Гоголя: Толстого («Толстой – это, так сказать, гоголевская эссенция, это Гоголь, из которого выжгли романтика»⁵), Чехова («Восьмидесятые годы прошлого века вырастили своего писателя гоголевской школы»⁶), Сологуба и даже Арцыбашева. Здесь вновь возникнет «тьма» Тургенева – не параллель, а антипараллель с Гоголем:

Любопытен и арцыбашевский «Санин». Избави вас бог только искать базаровщины. Базаров – это был разночинный вольтеррианец, и он так же глубоко, как всё тургеневское, сидел на своём корню. А Санин, наоборот, чисто по-гоголевски карикатурен и метафизичен⁷.

Итак, в итоговой своей работе о Гоголе Анненский демонстративно отказался рассматривать связи Гоголя только с Тургеневым. Автор «Книг отражения» (1906; 1909) равно оригинально и талантливо интерпретировал повести Гоголя («Проблема гоголевского юмора») и Тургенева («Умиравший Тургенев»; «Белый экстаз»), но сопоставлений, параллелей, связей между этюдами о русских классиках нет ни в содержании, ни в форме художественно-критических «отражений» Анненского. Основанием явился тезис:

¹ Анненский И. Ф. Гоголь. Творчество: Рукоп. // РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 1.

² Анненский И. Ф. Книги отражений... С. 229.

³ Розанов В. В. Указ. соч. М., 1996. С. 18.

⁴ Анненский И. Ф. Книги отражений... С. 237.

⁵ Там же. С. 231.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 232.

Пушкин и Гоголь. Наш двуликий Янус. Два зеркала двери, отделившей нас от старины¹.

«Пушкинца» Тургенева критик вывел за скобки анализа наследия эстетики «Мертвых душ». Положение о «пушкинце» позднее, в эмиграции, подхватит и усилит К. Д. Бальмонт. По его словам, Тургенев «воспринял всё пушкинское золото и сковал серебряные звоны, ещё более певучие; он был не только учеником Пушкина, но и его родным братом, его равноправным наследником <...>»².

Конкретное сопоставление стилистики, поэтики, мастерства Гоголя и Тургенева находим практически только в последней книге Андрея Белого «Мастерство Гоголя» (1934), вышедшей уже после смерти автора. В разделе «Значение Гоголя» автор утверждает (в противовес Чернышевскому):

«Натуральная школа» (Гончаров, Тургенев, Толстой, Григорович, Писемский, Островский) по прямому проводу не выводима из Гоголя, хотя бы потому, что в ней отход от «превосходной» степени к «положительной», менее богатой фигурами речи и лишь разрабатывающей, по-разному, в деталях, данные Гоголем контуры: пейзажа, жанра, жеста. Переоценка Тургенева, Гончарова, Григоровича в недавнее время показала, что в линии отхода от Гоголя «натуральная школа» скорее потеряла, чем приобрела подлинную «натуру»; «натура» оказалась у Тургенева – олеографизмом: видимостью натуры <...>³.

Белый, в отличие от Анненского, не пропускает сопоставления художественных приёмов и методов Тургенева с великим предшественником. Демонстрируя на конкретных примерах из «Майской ночи» и «Тараса Бульбы» редкую способность Гоголя «дать картину из света, мрака и отсверков – двумя лишь штрихами <...>»⁴, символист-исследователь заключает:

<...> тут Тургеневу была бы работа на пяток страниц; у Гоголя же полность ландшафта – приведённая мною фраза; в ней росчерком дано всё чудо фона!⁵

Сравнение в пользу Гоголя даётся и при характеристике композиционных приёмов:

Гоголь стягивает сложность массового движения в быстрый зигзаг, створённый с фоном; <...> вихревой завиток там именно, где и Толстой и Тургенев ухлопывают страницы<...>⁶.

«Чтобы подчеркнулась вычурность глаголов Гоголя», автор сравнивает его текст с отрывками из Пушкина, Лермонтова и Тургенева. Вот результат выписок из Тургенева:

Беру первый отрывок нарочито «поэтических» «Призраков» Тургенева; выписываю наиболее образные глаголы: «страх щипнул... за сердце»; след луны «округляется»; отрывок второй: глаголы обычны; отрывок третий: ничего, кроме «ветер запорхал»; «листья... заиграли»; отрывок четвёртый: глаголы банальны; отрывок пятый: «звук... задрожал в ушах»; отрывок шестой: ничего, кроме «мы взмоем» и «перелетывать»; отрывок седьмой: глаголы банальны; отрывок восьмой: «шоссе... впивалось в... конец города» (звучит по-гоголевски); отрывок девятый: «ве-

¹ Там же. С. 228.

² Бальмонт К. Д. О литературе. Воспоминания и раздумья. 1892–1936. М., 2007. С. 160.

³ Белый А. Собр. соч. Мастерство Гоголя: Исследование. М., 2013. С. 41.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 145–146.

⁶ Там же. С. 151.

тер... визжал в моих волосах»; отрывки – десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый: глаголы обычны.

Итог обследования 14 страниц дал бедный улов: ничего, кроме «шоссе... впивалось»¹.

Белый признаётся, что вовсе не старался дискредитировать прозу Тургенева, Пушкина, Лермонтова, но сравнением глаголов, которыми они пользуются, с гоголевскими глаголами хотел «подчеркнуть, до чего богат, фигурен, "глаголен" Гоголь»².

А. Белый проводит сопоставление-противопоставление гоголевских и тургеневских пейзажных зарисовок, описаний усадеб, натюрмортов и других элементов поэтики. При всех похвалах гоголевскому стилю, автор «Мастерства Гоголя» в конечных выводах объективен. Он подытоживает свои рассыпанные по разделам книги примеры сравнительного анализа и относительно Тургенева пишет:

Отметив огромность влияния Гоголя на всю нашу литературу, и перейдя к отметке влияния в тесном смысле, – видишь: Гоголь, мало влияя на Тургенева, – таки влиял в прямом смысле: тургеневская разработка пейзажа – не что иное, как перекраска до фотографии общих линий его, прочерченных в «МД» (плюшкинский сад, ландшафт имения Тентетникова и т. д.); иные из типов Тургенева – трудолюбивая докраска мутных контуров «простокваши» второго тома «МД» (Хлобуев, Платонов, Тентетников); из контура Улиньки выпорхнула тургеневская героиня; тургеневская романтика (описание разметающейся полупрозрачной Эллис из «Призраков») – прямое и обезвкусенное заимствование из «В» и «МН»; в фабуле «Песни торжествующей любви» явный след фабулы «СМ»³.

Стиль и язык, их скрупулёзный анализ дают исследователю возможность не только показать индивидуальность каждого из авторов, но проследить перспективу развития гоголевского стиля, его открытость к будущим новаторским исканиям писателей ХХ века.

Первоначально Андрей Белый планировал озаглавить своё исследование «Гоголь в тенденции стиля»⁴. Прослеживание данной тенденции – от гоголевских стилистических приёмов, через художественные опыты, взлёты и отступления непосредственных наследников Гоголя – к открытиям модернистов стало ведущей задачей книги. Классики XIX столетия, и в первую очередь Тургенев, предстают при этом как важнейшее связующее и преодолеваемое символистами звено:

Гоголь дважды прошёлся ветром по нашей литературе: в середине прошлого века, в начале нынешнего <...>⁵.

Литература

Авраменко А. П. Традиции Н. В. Гоголя в ранней прозе Андрея Белого (роман «Серебряный голубь») // Феномен творческой личности в культуре. М., 2006. С. 23–31.

¹ Там же. С. 222.

² Там же.

³ Там же. С. 310. «МД» – «Мертвые души»; «В» – «Вий»; «МН» – «Майская ночь»; «СМ» – «Страшная месть» – сокращения А. Белого.

⁴ См.: Там же. С. 350.

⁵ Там же. С. 42.

- Алексамян Е. А.* Русские символисты и Н. В. Гоголь // Брюсовские чтения 1996 г. Ереван, 2001. С. 171–182.
- Астман М.* Тургенев и символизм // Записки русской академической группы США. New York, 1983. Т. XVI. С. 165–174.
- Ашимбаева Н.* Тургенев в критической прозе И. Анненского // Изв. АН КазССР. Алма-Ата, 1984. № 1. Сер. Филология. С. 51–59.
- Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Брюсов о Тургеневе // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 170–190.
- Делекторская И.* «Гоголевский сюжет» в житнетворчестве Андрея Белого (к проблеме реконструкции) // Nel mondo di Gogol'. В мире Гоголя. Toronto, 2012. С. 294–303.
- Долганский В. А.* Гоголевские мотивы и образы в творчестве А. Блока // Микола Гоголь і світова культура. Київ; Ніжин, 1994. С. 156–161.
- Зельдхейи-Деак Ж.* Поздний Тургенев и символисты. (К постановке проблемы) // От Пушкина до Белого. СПб., 1992. С. 146–169.
- Зельдхейи-Деак Ж.* Таинственное у И. С. Тургенева и В. Я. Брюсова // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции. Будапешт, 1994. С. 88–98.
- Золотусский И.* Гоголь и Блок // Новый мир. 1989. № 4. С. 244–251.
- Зябликов А. В.* Гоголь – Блок: К вопросу о преемственности историософских идей // Вестник КГТУ. Кострома, 2002. № 6. С. 9–11.
- Клейман Л.* Сологуб и Тургенев // Клейман Л. Ранняя проза Фёдора Сологуба. Ann Arbor, 1983. С. 11–17.
- Крук И. Т.* Блок и Гоголь // Рус. лит. 1961. № 1. С. 85–103.
- Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е гг. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995.
- Лебедева Н. П.* И. С. Тургенев в оценке Д. С. Мережковского // Спасский вестник. 2005. № 12. <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/lebedenko-v-ocenke-merezhkovskogo.htm>
- Медведева К. А.* Рецепция Гоголя в поэме А. Блока «Двенадцать» // Проблема жанра и стиля художественного произведения. Владивосток, 1988. Вып. 4. С. 42–49.
- Миц З. Г.* Блок и Гоголь // Блоковский сб. II. Тарту, 1972. С. 122–205.
- Мокина Н. В.* Тургенев и символисты: к проблеме влияния художественного опыта Тургенева-романиста. Статья 1: Сюжет и сверхсюжет в романе Тургенева «Дым» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 407–413.
- Несьинова Ю. В.* Образ Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя и А. Белого // Творчество Н. В. Гоголя в контексте современности. Нижний Тагил, 2009. С. 110–116.
- Новик А. А.* К теме «А. Белый и Гоголь» // Гоголевский сб. Вып. 2 (4). СПб; Самара, 2005. С. 269–271.
- Паперный В. М.* В поисках нового Гоголя // Связь времён: Проблемы преемственности в русской литературе XIX – начала XX века. М., 1992. С. 21–46.
- Паперный В. М.* Андрей Белый и Гоголь: Статьи I–III // Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 604. С. 112–126; 1983; Вып. 620. С. 85–98; 1986. Вып. 683. С. 50–65.
- Першукевич О. Б.* «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева и развитие русской «малой прозы» начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Петрова С.* Александр Добролюбов и «странный Тургенев» (к проблеме возникновения раннего символизма) // Вестник ТГПУ. 2007. № 8 (71). Сер. Гуманит. науки (Филология).
- Петросян Л. В.* Белый и Гоголь: Текст и метатекст // Н. В. Гоголь и современная культурно-историческая парадигма. Ереван, 2011. С. 226–232.
- Пильд Л.* Мережковский и Тургенев // Русская литература. СПб., 1998. № 1. С. 16–48.

Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов. Тарту, 1999. 136 с.

Полещук Л. З. Гоголевские рецепции в романе Андрея Белого «Петербург» // Проблемы поэтики русской литературы XX века в контексте культурной традиции. М., 2006. С. 24–35.

Пустыгина Н. «Тургеневские истоки» концепции творчества А. А. Блока // Блоковский сборник. XIV. Тарту, 1998. С. 119–133.

Родзевич С. И. Романтик реализма: Тургенев и символизм // *Родзевич С. И.* Тургенев. К 100-летию со дня рождения... Статьи. Киев, 1918. С. 117–138.

Сугай Л. А. Гоголь и символисты: Монография. Banská Bystrica, 2011.

Топоров В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М, 1998.

Yurieff Z. Gogol as Interpreted by the Russian Symbolists: A thesis for degree of Doctor of Philosophy in Subject of Slavic Languages and Literatures Cambridge, Massachusetts, 1955.